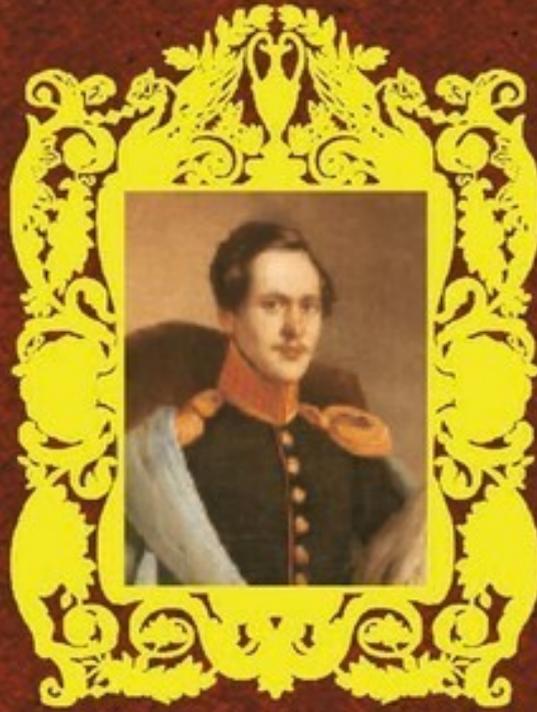

В.А. Злобин

ДУЭЛИ ЛЕРМОНТОВА

Дуэльный кодекс де Шатовильяра

Виктор Злобин

**Дуэли Лермонтова. Дуэльный
кодекс де Шатовильяра**

ТД "Белый город"

2014

УДК 086
ББК 3-86

Злобин В. А.

Дуэли Лермонтова. Дуэльный кодекс де Шатовильяра /
В. А. Злобин — ТД "Белый город", 2014

ISBN 978-5-9067-2631-5

Настоящие материалы подготовлены в связи с 200-летней годовщиной рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, которая празднуется в 2014 году. Условно книгу можно разделить на две части: первая часть содержит описание дуэлей Лермонтова, а вторая – краткие пояснения к впервые издаваемому на русском языке Дуэльному кодексу де Шатовильяра.

УДК 086

ББК 3-86

ISBN 978-5-9067-2631-5

© Злобин В. А., 2014
© ТД "Белый город", 2014

Содержание

Предисловие	7
Дуэли Лермонтова	9
Дуэль Лермонтова с де Барантом	9
Пятигорск	24
Причины дуэли Лермонтова с Мартыновым	36
Участники дуэли	43
Мартынов Николай Соломонович	43
Секунданты	48
Глебов Михаил Павлович	48
Князь Васильчиков Александр Илларионович	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Злобин Дуэли Лермонтова. Дуэльный кодекс де Шатовильяра

Современные фотографии предоставлены автором

* * *

Н. Ф. Будкин

Михаил Юрьевич Лермонтов
1834

Портрет Лермонтова, написанный масляными красками, сохранившийся в саратовском имении А. А. Столыпина – Нееловке. Лермонтов изображен в лейб-гусарском вицмундире и накинутой поверх него шинели, с треугольной шляпой в руках.

По мнению современника Лермонтова – М. Н. Лонгинова, это лучший из известных портретов Лермонтова. М. Н. Лонгинов в «Заметках о Лермонтове» пишет: «Хотя он на нем и очень польщен, но ближе всех прочих передает общее выражение его физиономии (в хорошие его минуты), особенно его глаза, взгляд которых имел действительно нечто чарующее, «fascinant», как говорится по-французски, несмотря на то что лицо поэта было очень некрасиво».

Предисловие

Настоящие материалы подготовлены в связи с 200-летней годовщиной рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, которая празднуется в 2014 году.

Условно книгу можно разделить на две части: первая часть содержит описание дуэлей Лермонтова, а вторая – краткие пояснения к впервые издаваемому на русском языке Дуэльному кодексу де Шатовильяра.

Всего дуэльных поединков у Лермонтова было два: один в Санкт-Петербурге, а другой, трагически закончившийся, – в Пятигорске.

Если проанализировать эти дуэли, станет очевидным, что они имеют определенные сходства и в значительной степени характеризуют Лермонтова как человека того времени.

В основном в представленных материалах затрагивается дуэль Лермонтова с Мартыновым, поскольку помимо того, что она повлекла смерть поэта, многие обстоятельства этой дуэли до настоящего времени не выяснены и являются предметом постоянных споров.

В частности, это споры относительно действительного места дуэли Лермонтова с Мартыновым. Большинство исследователей согласилось, что расположение мемориала Лермонтова на «месте дуэли» в Пятигорске у горы Машук не соответствует описаниям, содержащимся в обнаруженных документах.

В связи с этим при подготовке настоящей книги к изданию, исходя из письменных источников, была предпринята попытка установить наиболее вероятное место дуэли. После чего, по просьбе автора, специализированная организация – ОАО «Северо-Кавказское аэрогеодезическое предприятие» – на картографической основе Росреестра изготовило топографическую карту, на которой отображен участок местности – вероятный район действительного места дуэли Лермонтова. Следуя ориентирам, указанным на данной топографической карте, прилагаемой к настоящему изданию, а также учитывая особенности ландшафта, можно с большой долей вероятности определить, где проходила дуэль.

Памятник М. Ю. Лермонтову у подножия горы Машук
фотография 1901 г.

Кроме того, в ходе работы над книгой для разрешения спорных вопросов, связанных с характером и особенностями полученного Лермонтовым смертельного ранения, были привлечены судебно-медицинские эксперты, которые подготовили заключение, содержащее выводы о некоторых спорных вопросах, связанных с судебной медициной и баллистикой.

Вторая часть книги посвящена впервые публикуемому в России Дуэльному кодексу де Шатовильяра, текст которого был переведен с французского на русский язык в ходе подготовки настоящей книги.

На протяжении всей истории существования дуэлей предпринимались попытки упорядочить условия их проведения путем принятия соответствующих дуэльных кодексов. При этом какого-либо единого дуэльного кодекса не существовало.

В разработке представляемого кодекса де Шатовильяра участвовало около ста родовитых французских аристократов. По сути, Дуэльный кодекс де Шатовильяра, изданный в Париже в 1836 году, является фактически первым дуэльным кодексом, приводящим в систему правила дуэли, существовавшие на первую половину XIX века. Для Европы вплоть до последней четверти XIX века он стал общепризнанным. Правила дуэли, содержащиеся в дуэльных кодексах, которые были изданы позднее, в том числе и в самом известном в России Дуэльном кодексе Дурасова, основаны именно на кодексе графа де Шатовильяра.

В России кодекс де Шатовильяра никогда не публиковался, поскольку в XIX веке действовала жесткая цензура, а в последующем его текст был утрачен.

Практически любая книга об истории дуэльных поединков содержит ссылки на Дуэльный кодекс де Шатовильяра, несмотря на то что до настоящего времени он не публиковался и на русский язык не переводился.

Причины того, что в одной книге объединено исследование о дуэлях Лермонтова и Дуэльный кодекс де Шатовильяра, заключаются в следующем. Правила проведения дуэльных поединков, содержащиеся в дуэльных кодексах, в том числе и Дуэльном кодексе де Шатовильяра, не являлись общеобязательными. Вместе с тем их положения формировали принципы и правила проведения дуэльных поединков.

Известно, что после издания Дуэльного кодекса де Шатовильяра в Париже в 1836 году его положения стали широко применяться в России, и на момент дуэлей Лермонтова в 1840 и 1841 годах данный кодекс являлся единственным источником дуэльных правил, изложенных письменно.

До настоящего времени между исследователями существуют споры о том, были ли нарушены дуэльные правила на поединке Лермонтова с Мартыновым.

В связи с этим читателю предлагается с учетом Дуэльного кодекса де Шатовильяра самому оценить правомерность действий участников дуэлей – как самих дуэлянтов (Лермонтова, Мартынова и де Баранта), так и их секундантов, а также сделать выводы о том, были ли ими допущены нарушения дуэльных правил и если они были, то насколько серьезными.

Дуэли Лермонтова

Дуэль Лермонтова с де Барантом

*Оборотясь, без лишних слов
Сказал, что он всегда готов.*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

Эрнест де Барант был сыном барона Амабля Гийома Проспера Брюжьера де Баранта – видного французского историка, публициста, дипломата и политического деятеля, почетного члена Петербургской академии наук.

В 1835–1841 годах он занимал пост посла Франции в Российской империи.

Отец Эрнеста де Баранта, Амабль Гийом Проспер Брюжьер де Барант

Из всех иностранных посланников он имел самые доверительные отношения с императором.

Посол де Барант говорил: «Если б Николай не был государем, а я простым смертным, то я мог бы сказать, что он мой друг. Только благодаря этому я принял пост посланника, так как хотел, чтобы наша личная дружба послужила на пользу моей стране и общему миру»¹.

В 1838 году посол де Барант посетил Одессу, Ялту, Севастополь и Москву, регулярно фиксируя свои наблюдения. Эти путевые записи, а также наблюдения де Баранта о русском

¹ В. Т. Иностранцы в России. Барон де Барант и Николай I. – Исторический вестник. Историко-литературный журнал, 1900, сентябрь. – С. 1014.

народе, его менталитете, обычаях и нравах были опубликованы после его смерти в 1857 году под заголовком «Заметки о России».

Посол был хорошо знаком и неоднократно беседовал с Пушкиным, чей талант он очень высоко ценил. Известно, что он предлагал Пушкину совместно перевести на французский язык повесть «Капитанская дочка».

Де Барант присутствовал при выносе тела покойного поэта и отпевании его в церкви.

В. А. Жуковский в письме к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года заметил: «Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем».

Посол де Барант принадлежал также к числу иностранцев, интересовавшихся творчеством Лермонтова. Прочитав стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», де Барант понял, что никакого оскорбления для французской нации в нем не содержится, и в январе 1840 года им лично Лермонтов был приглашен на новогодний бал во французское посольство. «Дело вот как было, – напишет об этом А. И. Тургенев. – Барон д'Андре (секретарь посольства Франции), помнится, на вечеринке у Гогенлоэ спрашивает меня, правда ли, что Лермонтов в известной строфе своей бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина, что Барант желал бы знать от меня правду. Я отвечал, что не помню, а справлюсь; на другой же день встретил я Лермонтова и на третий получил от него копию со строфы; через день или два, кажется, на вечеринке или на бале уже самого Баранта я хотел показать эту строфу Андре, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию...»

После дуэли сына с Лермонтовым посол де Барант просил главного начальника Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Х. Бенкендорфа о прощении Лермонтова, но его ходатайства удовлетворены не были.

О его сыне – Эрнесте де Баранте (1818–1859) – известно гораздо меньше.

Эрнесту де Баранту на момент дуэли был 21 год. Он окончил высшую школу, носил звание доктора Боннского университета и числился на должности атташе кабинета министра иностранных дел Франции.

В Россию Эрнест де Барант приехал по настоянию отца, в планы которого входило назначить его на должность второго секретаря посольства Франции в России.

По определению В. Г. Белинского, основанному на рассказах Лермонтова, Эрнест де Барант был всего лишь «салонным Хлестаковым».

Одна из наиболее вероятных причин дуэли – явное предпочтение, которое оказывала Лермонтову княгиня Мария Алексеевна Щербатова (в девичестве Штерич). На тот момент ей было 20 лет. Внешне очень привлекательная, обладающая обаянием и тактом, она в 17 лет вышла замуж, однако через год после свадьбы ее муж скончался. Находясь в Петербурге, Лермонтов часто бывал у нее в доме на Фонтанке (в настоящее время дом № 101).

Как писал товарищ Лермонтова А. П. Шан-Гирей, «зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса «На светские цепи»). Мне ни разу не случилось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать. То же самое, как видно из последующего, думал про нее и г. де Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Немножко слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта...»².

По свидетельству А. И. Тургенева, Мария Щербатова испытывала к Лермонтову теплые чувства («Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова»). Именно ей он посвятил стихи

² Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. – Прибой, 1929. -Вып. 2. – С. 28.

«Молитва», «В минуту жизни трудную...», «Отчего», а также стихотворение «На светские цепи...» («М. А. Щербатовой»), которое было отдано в печать после смерти Лермонтова самой Марией Щербатовой.

Мария высоко ценила поэзию Лермонтова. После прочтения «Демона» она сказала Лермонтову: «Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака».

Барон Корф, товарищ А. С. Пушкина по лицу, так описывает произошедшие события: «На днях здесь был дуэль, довольно примечательный по участникам. Несколько лет тому назад молоденькая и хорошенькая Штеричева, жившая круглою сиротою у своей бабки, вышла замуж за князя Щербатова, но он спустя менее года умер, и молодая вдова осталась одна с сыном, родившимся уже через несколько дней после смерти отца. По прошествии траурного срока она, натурально, стала являться в свете, и столько же натурально прихлыли претенденты на ее руку и просто молодые люди, за ней ухаживавшие. В числе первых был гусарский офицер Лермонтов – едва ли не лучший из теперешних наших поэтов; в числе последних – сын французского посла Баранта, недавно сюда приехавший для определения в секретари здешней миссии. Но этот ветреный француз вместе с тем приволакивался за живущей здесь уже более года женою консула в Гамбурге Бахерахт – известною кокеткою и даже, по общим слухам, *femme galante*. В припадке ревности она как-то успела поссорить Баранта с Лермонтовым, и дело кончилось вызовом».

По словам находящегося в карауле офицера Горожанского, однокашника по юнкерской школе, Лермонтов, даже находясь под арестом, самовольно отлучался для встречи с княгиней Щербатовой: «Когда за дуэль с де Барантом Лермонтов сидел на гауптвахте, мне пришлось занимать караул. Лермонтов был тогда влюблен в кн. Щ., из-за которой и дрался. Он предупредил меня, что ему необходимо по поводу этой дуэли иметь объяснение с дамой и для этого удалиться с гауптвахты на полчаса времени. Были приняты необходимые предосторожности. Лермонтов вернулся минута в минуту, и едва успел он раздеться, как на гауптвахту приехало одно из начальствующих лиц справиться, все ли в порядке. Я знал, с кем виделся Лермонтов, и могу поручиться, что благорасположением дамы пользовался не де Барант, а Лермонтов; потому ходивший тогда слух, будто Лермонтов обидел даму четырехстишием, несправедлив»³.

³ Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. – Прибой, 1929. – Вып. 2. – С. 23.

В. Шертль. Мария Алексеевна Щербатова

В последующем Щербатова глубоко переживала о том, что она послужила причиной ссоры между Лермонтовым и де Барантом, и винила в произошедшем только себя.

Отношение Марии Щербатовой к состоявшейся дуэли можно проследить в ее письмах: «Я всегда придерживаюсь моего давнего принципа: женщина, замешанная в самом нелепом, самом неправдоподобном слухе, всегда виновата. Я судила о свете и о мужчинах, как о себе самой. Я полагала, что они руководствуются благими помыслами. И потом, в моем возрасте и с моим характером, я поверила, как верят все сумасшедшие, что дружба между мужчинами и женщинами возможна... Что бесконечно меня огорчает, так это отчаяние М-me Arsenieff (Арсеньева – бабушка Лермонтова. – В. З.), этой превосходной, доброй старухи; она должна меня ненавидеть, никогда меня не видел. Она меня осуждает, я уверена, а если бы она знала, сколь тягостно для меня самой то, о чем мне пришлось услышать».

Катализатором произошедших событий принято считать жену секретаря русского консульства в Гамбурге Терезу фон Бахерахт.

Согласно показаниям Лермонтова, данным им во время следствия по факту дуэли, де Барант обратился к нему на вечере в доме Лавалей: «Правда ли, что в разговоре с известной особой вы говорили на мой счет невыгодные вещи?»

Под «известной особой» подразумевалась 36-летняя красавица Тереза фон Бахерахт.

Советник французского посольства в России д'Андре, который скептически оценивал человеческие качества Лермонтова, склонен был винить в произошедшем именно Терезу фон Бахерахт, не дававшую себе труда задумываться о последствиях собственных поступков. С его слов, он не раз уговаривал Эрнеста де Баранта, чтобы тот не обращал слишком большого внимания на «не совсем приличные кривляния» Лермонтова, признавался в том, что очень не любил Терезу фон Бахерахт, и полагал, что именно она способствовала дуэли.

На этом участие Терезы фон Бахерахт в произошедших событиях не окончилось. Именно из-за ее сплетен, рассказываемых по секрету всем, известие о состоявшейся дуэли дошло до высшего начальства.

Товарищ Лермонтова А. Р. Шан-Гирей напишет: «История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней; наконец, одна неосторожная барышня Б..., вероятно, без всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте...»

В последующем из-за огласки Тереза фон Бахерахт вынуждена была покинуть Россию. В 40-х годах она занялась литературной деятельностью и писала свои произведения на немецком языке под псевдонимом «Therese».

Оценивая поводы для ссоры и причины состоявшейся дуэли, можно с уверенностью предположить, что поединок Лермонтова с де Барантом стал прежде всего следствием лермонтовской щепетильности в вопросах чести и невозможности даже намеком поставить ее под сомнение.

Ссора произошла 16 февраля 1840 года в доме графини Лаваль.

В настоящее время этот дом занимает Конституционный суд Российской Федерации (Санкт-Петербург, Английская набережная, дом 4).

Дом Лавалей принимал балы, на которых бывали и царские особы. Для них хозяйева устраивали специальные торжественные праздники. Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины» так описывал дом Лавалей:

Богатство, блеск!
Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.

Гостями дома Лавалей были И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Адам Мицкевич, Н. М. Карамзин, А. С. Грибоедов. С 1817 года здесь бывал и Александр Сергеевич Пушкин. В 1819 году он читал здесь оду «Вольность», а в 1828 году – трагедию «Борис Годунов».

Дом Лавалей в Санкт-Петербурге

Впечатления от балов в доме Лавалей Пушкин выразил при описании бала в романе «Евгений Онегин».

Именно на подобном балу к Лермонтову обратился за разъяснениями Эрнест де Барант. Обстоятельства вызова установлены Военно-судной комиссией:

«Поручик Лермонтов, 16 февраля сего года, приехав с дозволения полкового командира в Санкт-Петербург и бывши того же числа на бале у графини Лаваль, поспорил там с бароном де Барантом. Поводом к неудовольствию между ними было то, как поручик Лермонтов показал, что де Барант, объявив ему на бале, будто он, Лермонтов, говорил об нем какой-то особе, которой, впрочем, не назвал, невыгодно, – требовал от него объяснения; а когда Лермонтов уверял его, что это несправедливо, – Барант, обнаруживая к нему недоверчивость, упрекал его в дурном поступке, называя оный сплетнями. На это Лермонтов отвечал, что выговоров и советов не принимает и находит поведение его, де Баранта, весьма смешным и дерзким. После этого де Барант сказал, что если бы находился в своем отечестве, то знал бы, как кончить это дело; а Лермонтов возразил, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что русские меньше других позволяют оскорблять себя безнаказанно. Затем де Барант вызвал его на дуэль, и они расстались».

На дуэль с де Барантом Лермонтов пригласил в свои секунданты родственника – дворянского дядю А. А. Столыпина по прозвищу Монго, друга и сослуживца, который был на два года младше поэта.

Когда Столыпин приехал переговорить об условиях дуэли, то де Барант, считавший себя обиженным, объявил ему, что будет драться на шпагах.

Со стороны де Баранта секундантом был француз Рауль д'Англес.

18 февраля 1840 года в 12 часов утра Лермонтов и де Барант вместе с секундантами встретились на Черной речке по Парголовской дороге.

Место было выбрано не случайно. На этом же месте проходила дуэль Пушкина с Дантесом, как и многие другие дуэли.

Сначала дуэль происходила на шпагах, которые привез секундант де Баранта виконт д'Англес.

Едва противники успели начать бой, как конец шпаги Лермонтова переломился и де Барант нанес ему в грудь легкую рану. После этого противники, по сделанному предварительно условию, взяли пистолеты, привезенные А. А. Столыпиным.

Стрелять противники должны были по счету одновременно: по слову раз – приготовиться, два – прицелиться, три – выстрелить. Расстояние между ними составляло 20 шагов.

Де Барант выстрелил и промахнулся. Лермонтов в де Баранта не целился и произвел выстрел в сторону.

На этом дуэль закончилась, де Барант подал Лермонтову руку, и они разъехались.

Существует легенда о том, что пистолеты, которые использовались на дуэли Пушкина и Геккерн-Дантеса, могли быть применены также на дуэли Эрнеста де Баранта и Лермонтова.

Основанием для этого послужили следующие обстоятельства.

Известно, что эти пистолеты принадлежали послу де Баранту.

Его младший сын Эрнест де Барант в 1837 году одолжил пистолеты своему другу – французскому дипломату д'Аршиаку, который являлся секундантом Геккерн-Дантеса.

Как следует из военно-судного дела о дуэли Пушкина и Геккерн-Дантеса, на место поединка секунданты явились со своими дуэльными гарнитурами, каждый из которых состоял из пары пистолетов и принадлежностей к ним: «Пистолеты, из коих я стрелял, – показал на следствии Геккерн-Дантес, – были вручены мне моим секундантом на месте дуэли; Пушкин же имел свои». Таким образом, свой выстрел Геккерн-Дантес произвел в Пушкина из пистолета, входившего в дуэльный гарнитур, который привез д'Аршиак. Дуэльные правила допускали, что каждый из соперников по взаимному согласию мог использовать свои пистолеты, если различие в длине их стволов незначительно, а калибры тождественны.

Здание ордонанс-гауза в Санкт-Петербурге

Использование указанных пистолетов на дуэли Пушкина и Дантеса спорно, однако можно с уверенностью отметить, что на дуэль Лермонтова и де Баранта шпаги к месту дуэли доставил виконт д'Англес, секундант де Баранта, а пистолеты привез Столыпин, секундант Лермонтова, в связи с чем указанных дуэльных пистолетов на месте дуэли Лермонтова с де Барантом не было, и влияние на исход поединка они иметь не могли.

Арестованного за дуэль Лермонтова поместили в комнате караульного офицера в здании ордонанс-гауза (комендантского управления). В настоящее время в здании ордонанс-гауза, где содержался Лермонтов, располагается Военная комендатура Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, улица Садовая, дом 3).

Секундант де Баранта виконт д'Англес немедленно после дуэли уехал из России.

Ф. Крюгер

Портрет А. Х. Бенкендорфа в мундире лейб-гвардии Жандармейского полуэскадрона
1840

Напротив, А. А. Столыпин, являвшийся секундантом Лермонтова, после безуспешных попыток явиться к высшему начальству с повинной, написал следующее письмо Бенкендорфу:

Милостивый Государь Граф Александр Христофорович.

Несколько времени пред сим, Л. Г. Гусарского полка Поручик Лермантов имел дуэль с сыном французского посланника Барона де-Баранта. К крайнему прискорбию моему, он пригласил меня, как родственника своего, быть при том секундантом. Находя неприличным для чести офицера отказаться, я был в необходимости принять это приглашение. Они дрались, но дуэль кончилась без всяких последствий. Не мне принадлежащую тайну, я по тем же причинам не мог обнаружить пред Правительством. Но несколько дней тому назад, узнав, что Лермантов арестован и предполагая, что он найдет неприличным объявить, были ли при дуэли его секунданты и кто именно, – я долгом почел, в тоже время явиться к Начальнику Штаба вверенного Вашему Сиятельству Корпуса, и донести ему о моем соучастничестве в этом деле. До ныне однако я оставлен без объяснений. – Может быть, Генерал Дубельт не доложил о том Вашему Сиятельству, или, быть может, и вы, Граф, по доброте души своей умалчиваете о моей вине. – Терзаясь за тем мыслию, что Лермантов будет наказан, а я, разделявший его проступок, буду предоставлен угрызениям своей совести, спешу, по долгу русского дворянина, принести Вашему Сиятельству мою повинную. – Участь мою я осмеливаюсь предать Вашему, Граф, великодушию.

С глубочайшим почитанием имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою Алексей Столыпин уволенный из Лейб Гвардии Гусарского полка поручик.⁴

12 марта 1840

Спустя три дня после подачи указанного письма А. А. Столыпин был также арестован.

В своих показаниях Военно-судной комиссии он подтвердил, что Лермонтов не целился в противника, то есть не хотел его убить. В связи с этим Лермонтов мог отвечать лишь за принятие вызова, но не за намерение лишить противника жизни.

Порядок содержания под стражей не отличался строгостью. Лермонтов мог встречаться со своими товарищами и имел возможность писать стихи.

Находясь под арестом в ордонанс-гаузе, Лермонтов написал стихотворение «Соседка»:

Не дожидаться мне, видно, свободы!..
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой...

По словам товарища и родственника поэта – А. П. Шан-Гирея, который навещал поэта, соседка эта действительно существовала: «Она действительно была интересная соседка, я ее видел в окно, но решеток у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем, точно, стоял у двери, я всегда около него ставил свою шпагу». Есть свидетельства о том, что Лермонтов нарисовал и портрет этой девушки, подписав: «La jolie fille d'un sous-officier» [хорошенькая дочь унтер-офицера. – фр.].

⁴ Орфография оригинала документа сохранена.

По причине того, что, как следует из рапорта обер-аудитора Бобылева, в ордонанс-гаузе не было «особых приличных офицерских комнат», 17 марта Лермонтов был переведен на Арсенальную гауптвахту.

Комплекс зданий Арсенальной гауптвахты сохранился; в наше время в нем располагались Военная прокуратура, Патронный завод (Санкт-Петербург, Литейный проспект, дом 3; улица Шпалерная, дом 19; улица Чайковского, дом 14).

Здание Арсенальной гауптвахты в Санкт-Петербурге

Однако события продолжали развиваться. Эрнест де Барант, которому стали известны официальные показания Лермонтова о выстреле в воздух, счел себя оскорбленным, поскольку полагал, что из этих показаний можно сделать вывод о том, что он остался жив благодаря милости его противника.

При этом де Барант даже обещал по выпуске Лермонтова из-под ареста наказать его за это хвастовство.

Товарищ Лермонтова А. П. Шан-Гирей, узнав об этих словах де Баранта, тут же посетил находящегося под арестом Лермонтова.

«Ты сидишь здесь, – сказал он Лермонтову, – взаперти и никого не видишь, а француз вот что про тебя везде трезвонит громче всяких труб».

По просьбе Лермонтова 22 февраля его знакомый, граф Браницкий, организовал приезд де Баранта на Арсенальную гауптвахту, где вечером в 8 часов в коридоре и состоялся их разговор.

Лермонтов высказал де Баранту неудовольствие его словам и предложил, если де Барант чем-то недоволен, новую встречу по окончании своего ареста, то есть фактически новую дуэль.

На это де Барант ответил, что слухи, которые дошли до Лермонтова, являются неверными и что он полностью удовлетворен.

Через два дня Эрнест де Барант уехал из России.

Обстоятельства этого свидания, на котором Лермонтов предложил повторно стреляться, стали известны высшему начальству. Обвинение Лермонтову было дополнено еще одним пунктом.

После свидания с де Барантом его вскоре вернули обратно в ордонанс-гауз, поместив на этот раз в особой комнате для «подсудимых офицеров».

По окончании судебного разбирательства в итоговой резолюции Военно-судной комиссии оказались лестные для Лермонтова строки: там утверждалось, что поручик Лермонтов «вышел на дуэль не по одному личному неудовольствию, но более из желания поддержать честь русского офицера».

Эти слова не могли не повлиять на решение Николая I.

Высочайшая конфирмация царя была такова: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином». Кроме того, рукою императора также была сделана приписка: «Исполнить сего же дня».

Секундант Столыпин и граф Браницкий, который организовал свидание Лермонтова с де Барантом, согласно высочайшей конфирмации императора были освобождены от наказания.

В отношении Столыпина император указал на необходимость «объявить, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным».

Столыпин совсем недавно вышел в отставку, но, последовав рекомендации Николая, записался в Нижегородский драгунский полк, который дислоцировался на Кавказе.

С отправкой Лермонтова замешкались, поскольку не знали, как правильно исполнить повеление императора «сего же дня».

Дело в том, что начальник штаба гвардейского корпуса генерал-адъютант Веймарн объяснил военному министру Чернышеву, что генерал-аудиториат предполагал выдержать Лермонтова три месяца в крепости и что из высочайшего повеления императора не видно, следует ли это исполнять. В связи с этим военный министр Чернышев был вынужден обратиться за разъяснением к императору, который пояснил, что наказание должно быть ограничено лишь переводом Лермонтова тем же чином в Тенгинский полк.

Однако на этом разбирательство о состоявшейся дуэли не закончилось.

Уже после приговора Бенкендорф в личном разговоре с Лермонтовым потребовал от него извинений перед де Барантом за то, что Лермонтов несправедливо показал на суде, что выстрелил в воздух.

Это требование было обусловлено просьбой родителей Эрнеста де Баранта. При этом одновременно де Баранты пытались смягчить участь Лермонтова, находя приговор (ссылка в действующую армию на Кавказ) излишне суровым.

В связи с этим Лермонтов был вынужден обратиться за защитой к брату Николая I великому князю Михаилу Павловичу и написал ему следующее письмо:

«Ваше Императорское Высочество! Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покоряясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрен до сих пор надеждой иметь возможность усердною службой загладить мой проступок, но, получив приказание явиться к господину генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, я из слов его сиятельства увидел, что на мне лежит еще обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью.

Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, может быть, разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушные и справедливости Вашу и будучи уже не раз облагодетельствован Вами, и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Император-

ского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.

Ваше Императорское Высочество позвольте сказать мне со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показание мое оскорбило Баранта; я не предполагал этого, не имел этого намерения, но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказав, что выстрелил на воздух, я сказал истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секунд-дант, отставной поручик Столыпин, подал мне пистолет, я сказал ему именно, что выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение мое, я, однако, осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить внимание на горестное мое положение и заступлением Вашим восстановить мое доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем.

С благоговейною преданностью имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Михаил Лермонтов, Тенгинского пехотного полка поручик».

Великий князь Михаил Павлович направил данное письмо Николаю I. Император читал письмо Лермонтова, о чем свидетельствует пометка на письме, сделанная начальником штаба Отдельного жандармского корпуса Л. В. Дубельтом: «Государь изволил читать».

Какой-либо резолюции на данное письмо от императора не последовало, в связи с чем Бенкендорф посчитал этот вопрос исчерпанным и больше не предпринимал каких-либо дальнейших попыток склонить Лермонтова к извинениям.

Обращение Лермонтова к Михаилу Павловичу не было случайным. Великий князь лично знал Лермонтова и симпатизировал ему, несмотря на определенное вольное поведение поэта.

Известен случай, когда в сентябре 1838 года Лермонтов явился на парад с очень маленькой саблей. Михаил Павлович оценил юмор Лермонтова, отдал саблю своим детям, а Лермонтова отправил под арест.

Подобные случаи «шалостей» Лермонтова не являлись для великого князя неожиданностью: «Упеку же его на гауптвахту, ежели он взводу вздумает в стихах командовать, чего доброго».

Великий князь Михаил Павлович всегда ценил талант Лермонтова. В частности, он так отзывался о Лермонтове: «Этот незрелый поэт принесет в будущем богатые плоды».

Прочитав поэму «Демон», великий князь пошутил: «Был у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит, нечистой силы прибыло. Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли – духа зла или же дух зла – Лермонтова?»

Когда в Петербурге появилось стихотворение «Смерть поэта», послужившее в последующем причиной ссылки Лермонтова, великий князь Михаил Павлович при встрече с Бенкендорфом попросил его, чтобы оно желательно не попало Николаю I и не «обеспокоило внимание государя».

Само же стихотворение он воспринял не более чем с иронией: «Эх, как же он расходился! Кто подумает, что он сам не принадлежит к высшим дворянским родам».

В отношении состоявшейся дуэли Лермонтова и де Баранта великому князю Михаилу Павловичу понравилось, что молодой офицер вступился перед французом за честь русского офицера.

По итогам рассмотрения дела о дуэли он предлагал наказать Лермонтова лишь за нарушение порядка гарнизонной службы, которое выразилось в свидании с де Барантом на гауптвахте.

Это мнение о невинности Лермонтова в состоявшейся дуэли разделяли практически все.

В целом отношение петербургского общества к состоявшейся дуэли отразил в своих воспоминаниях Модест Корф: «Дантес убил Пушкина, и Барант, вероятно, точно так же убил бы Лермонтова, если бы не поскользнулся, нанося решительный удар, который, таким образом, только оцарапал ему грудь».

Белинский в письме В. П. Боткину 15 марта писал, что, по словам государя, если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним делать, но когда это француз, то три четверти вины слагаются.

Тем не менее Лермонтову, согласно решению императора, пришлось покинуть Петербург и вновь направиться в ссылку на Кавказ.

На Кавказе Лермонтову предстояли служба в действующей армии, бои с горцами, поездка со Столыпным в Пятигорск, встречи со старыми друзьями и дуэль с одним из них – Николаем Соломоновичем Мартыновым.

Пятигорск

*Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадит нас вино, игра и драка,
И жгут днем женичины, а по ночам – клопы.*

М. Ю. Лермонтов. Экспромт

Беседка «Эолова арфа» в Пятигорске

В Пятигорск Лермонтов попал, следуя из отпуска в действующую армию обратно на Кавказ вместе со Столыпинам, вернувшимся на военную службу после участия в качестве секунданта на дуэли Лермонтова с де Барантом.

С целью получения медицинских направлений они заехали в город Ставрополь, где находился штаб командующего войсками Кавказской линии и Черномории, и после этого направились в Пятигорск.

Желание Лермонтова и Столыпина остановиться в Пятигорске было обусловлено вовсе не состоянием здоровья, которое у обоих было довольно крепкое.

На воды в то время приезжали не только больные, но и совсем здоровые люди, чтобы отдохнуть и развлечься.

Плац-адъютант В. И. Чилиев, служивший в Пятигорской военной комендатуре, так описывал разговор Лермонтова и Столыпина с комендантом города Пятигорска полковником В. И. Ильяшенковым, при котором Чилиев присутствовал:

«Первую ночь по приезде в Пятигорск они ночевали в гостинице Найтаки. На другой день утром, часов в девять, явились в комендантское управление. Полковник Ильяшенков, человек старого закала, недалекий и боязливый до трусости, находился уже в кабинете. По докладе плац-адъютанта о том, что в Пятигорск приехал Лермонтов со Столыпиным, он схватился за голову обеими руками и, вскочив с кресла, живо проговорил:

– Ну, вот опять этот сорвиголова к нам пожаловал!.. Зачем это?

– Приехал на воды, – отвечал плац-адъютант.

– Шалить и бедокурить! – вспыхнул старик, – а мы отвечаем потом!.. Да у нас и мест нет в госпитале, нельзя ли их спровадить в Егорьевск?.. а?.. я даже не знаю, право, что нам с ними делать?

– Будем смотреть построже, – проговорил почтительно докладчик, – а не принять нельзя: у них есть разрешение начальника штаба и медицинские свидетельства о необходимости лечения водами.

– Ну, позовите их, – махнул рукой комендант, и Столыпин с Лермонтовым были введены в кабинет.

– А, здравствуйте, господа, – приветствовал их нахмуренный представитель власти, сделав шаг вперед. – Зачем и надолго ли пожаловали?

– Болезнь загнала, г. полковник, – начал было речь Лермонтов, но Ильяшенков, желая выказать строгость, перебил его словом: «Позвольте!» – и, обратясь к Столыпину, сказал:

– Вы – старший, отвечайте.

Столыпин объяснил причину прибытия и подал медицинское свидетельство и рапорт о дозволении лечиться в Пятигорске. Его примеру последовал и Лермонтов.

Комендант, прочитав рапорты, передал их плац-адъютанту с приказанием представить их в штаб, а молодым людям, пожав руки, сказал:

– Хотя у меня в госпитале и нет мест, ну, да что с вами делать, оставайтесь! Только с уговором, господа, не шалить и не бедокурить! В противном случае вышлю в полки, так и знайте!

– Больным не до шалостей, г. полковник, – отвечал с поклоном Столыпин.

– Бедокурить не будем, а повеселиться немножко позвольте, г. полковник, – поклонился в свою очередь почтительно Лермонтов. – Иначе ведь мы можем умереть от скуки, и вам же придется хоронить нас.

– Тьфу, тьфу! – отплюнулся Ильяшенков. – Что это вы говорите! Хоронить людей я терпеть не могу. Вот если бы вы, который-нибудь, женились здесь, тогда бы я с удовольствием пошел к вам на свадьбу.

– Жениться!.. тьфу, тьфу! – воскликнул с притворным ужасом Лермонтов, пародируя коменданта. – Что это вы говорите, г. полковник, да я лучше умру!

– Ну, вот, ну, вот! я так и знал, – замахал руками Ильяшенков, – вы неисправимы, сами на себя беду накликаете. Ну, да идите с Богом и устраивайтесь!.. А там что Бог даст, то и будет»⁵.

Именно во флигеле дома плац-адъютанта В. И. Чилиева на время нахождения в Пятигорске с конца мая 1841 года остановились Лермонтов и Столыпин.

Пятигорск в 1841 году, по рассказу В. И. Чилиева, был маленький, но довольно чистенький и красивый городок. Расположенный в котловине гор, при реке Подкумок, он имел

⁵ Мартьянов П. К. Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова/сост. и автор предисл. Д. А. Алексеев. – М.: Гелиос АРВ, 2008. – С. 16–17.

десяток два прихотливо прорезанных в различных направлениях улиц, с двумя-тремя сотнями обывательских, деревянных, большей частью одноэтажных, домиков, между которыми там и сям выдвигались и гордо смотрели солидные каменные казенные постройки, как то: ванны, галереи, гостиницы и др. В центре города, почти у самых минеральных источников, ютился небольшой, но уже хорошо разросшийся и дававший тень бульвар, на котором по вечерам играла музыка. Городок с мая до сентября переполнялся приезжавшей на воды публикой; у источников, в казино и на бульваре появлялась масса больных обоего пола и всех рангов, лет и состояний.

Н. П. Раевский, входивший в круг близкого окружения Лермонтова в Пятигорске, писал:

«Пятигорск был не то, что теперь. Городишко был маленький, плохенький; каменных домов почти не было, улиц и половины тех, что теперь застроены, также. Лестницы, что ведет к Елизаветинской галерее, и помину не было, а бульвар заканчивался полукругом, ходу с которого никуда не было и на котором стояла беседка, где влюбленным можно было приютиться хоть до рассвета. За Елизаветинской галереей, там, где теперь Калмыцкие ванны, была одна общая ванна, т. е. бассейн, выложенный камнем, в котором купались без разбору лет, общественных положений и пола. Был и грот, с боковыми удобными выходами, да не тот грот на Машуке, что теперь называется Лермонтовским. Лермонтов, может, там и бывал, да не так часто, как в том, о котором я говорю, что на бульваре около Сабанеевских ванн. В нем вся наша ватага частенько пиновала, в нем бывали пикники; в нем Лермонтов устроил и свой последний праздник, бывший отчасти причиной его смерти. Была и слободка по ту сторону Подкумка, замечательная тем, что там что ни баба – то капитанша. Баба – мужик мужиком, а чуть что: «Я капитанша». Так мы и называли эту слободку «слободкой капитанш». Но жить там никто не жил, потому, во-первых, что капитанши были дамы амбиционные, а во-вторых, в ту сторону спускались на ночь все серные ключи и дышать там было трудно. Была еще и Эолова арфа в павильоне на Машуке, ни при каком ветре, однако, не издававшая ни малейшего звука.

Но в Пятигорске была жизнь веселая, привольная; нравы были просты, как в Аркадии. Танцевали мы много, и всегда по простоте. Играет, бывало, музыка на бульваре, играет, а после перетащим мы ее в гостиницу к Найтаки, барышень просим прямо с бульвара, без нарядов, ну вот и бал по вдохновению. А в соседней комнате содержатель гостиницы уж нам и ужин готовит. А когда, бывало, затеет начальство настоящий бал, и гостиница уж не трактир, а Благородное собрание, – мы, случалось, барышням нашим, которые победней, и платица даривали. Термалама, мовь и канаус в ход шли, чтобы перед наезжими щеголихами барышни наши не сконфузились. И танцевали мы на этих балах все, бывало, с нашими; таков и обычай был, чтобы в обиду не давать.

М. Ю. Лермонтов. Пятигорск

Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышлет к месту служения; крутишься, крутишься, дельце сварганишь, – ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подластишься к нему, он даст свидетельство о болезни, отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал.

И слыл Пятигорск тогда за город картежный, вроде кавказского Монако, как его Лермонтов прозвал. Как теперь вижу фигуру сэра Генри Мильса, полковника английской службы и известнейшего игрока тех времен. Каждый курс он в наш город наезжал»⁶.

⁶ Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. – Прибой, 1929. -Вып. 2. – С. 174–176.

Дом М. Ю. Лермонтова в Пятигорске

Упомянутые памятные места в Пятигорске, с которыми связано то время, которое Лермонтов провел в Пятигорске непосредственно перед дуэлью, существуют и поныне.

В частности, в доме В. И. Чиляева, где проживал Лермонтов, а также в доме Верзилиных, в котором Мартынов поссорился с Лермонтовым, расположен музей-заповедник М. Ю. Лермонтова «Домик Лермонтова».

Домик Лермонтова был построен в 1836 году в то время еще капитаном В. И. Чиляевым на месте хозяйственных построек, принадлежавших ранее В. П. Уманову, и с 1837 года сдавался им внаем в летнее время.

Описание дома впервые было составлено в 1870 году П. К. Мартьяновым со слов В. И. Чиляева, который водил его по комнатам и давал пояснения:

«Общий вид квартиры Лермонтова был далеко не представителен. Низкие, приземистые комнаты, стены которых оклеены не обоями, но просто бумагой, окрашенной домашними средствами: в приемной – мелом, в спальне – голубоватой, в кабинете – светлосерой и в зале – искрасна-розовой клеевой краской. Потолки положены прямо на балки и выбелены мелом, полы окрашены желтой, а двери и окна синеватой масляной краской. Мебель самой простой, чуть не солдатской работы и почти вся, за исключением ясеневоего ломберного стола и зеркала красного дерева, окрашена темной, под цвет дерева, масляной краской. Стулья с высокими в переплет спинками и мягкими подушками, обитыми дешевым ситцем»⁷.

В непосредственной близости от домика Лермонтова расположен дом, в котором проживала семья Верзилиных.

В этом доме открыты шесть залов литературного отделения музея «Домик Лермонтова», а также «роковая» мемориальная гостиная, интерьер 1841 года которой воссоздан по

⁷ Мартьянов П. К. Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова. – Исторический вестник. – 1892. – Кн. 2. – С. 439.

воспоминаниям Евгении Шан-Гирей – дочери Эмилии Шан-Гирей (Клингенберг), присутствовавшей в момент ссоры.

Евгении Шан-Гирей, как племяннице Лермонтова (дочери троюродного брата Лермонтова – А. П. Шан-Гирея), в советское время была назначена персональная пожизненная пенсия, и она проживала в одной из квартир дома вплоть до своей смерти в 1943 году.

Упомянутый Н. П. Раевским Лермонтовский грот расположен в скале ниже Эоловой арфы, близ Академической галереи. По-видимому, Лермонтов любил бывать в окрестностях этого грота, поскольку в 1837 году он написал картину «Вид Пятигорска с большим гротом» с его изображением.

Не менее знаменитым был в то время грот Дианы, построенный зодчим Джузеппе Бернардацци в 1831 году в честь экспедиции генерала Г. А. Емануеля к подножию Эльбруса, результатом которой стало первое официально зарегистрированное восхождение человека на Эльбрус.

Грот Дианы связан с именем Лермонтова, который не раз там бывал. За неделю до дуэли, 8 июля 1841 года, Лермонтов с друзьями устроил перед гротом бал, который впоследствии многие вспоминали. Грот был украшен коврами, цветными фонариками. Площадку для танцев перед гротом покрыли досками, грот убрали цветами, коврами, фонариками, а гостей звали, по обыкновению, с бульвара. Военный оркестр располагался над гротом.

История этого праздника в значительной степени характеризует Лермонтова.

По словам Н. П. Раевского, обычно распорядителем на праздниках был генерал князь Владимир Сергеевич Голицын. В этот раз Голицын предложил устроить бал в Ботаническом саду. Как пишет Раевский, «Лермонтов заметил, что не всем это удобно, что казенный сад далеко за городом и что затруднительно будет препроводить дам, усталых после танцев, поздною ночью обратно в город. Ведь биржевых-то дрожек в городе было три-четыре, а свои экипажи у кого были? Так не на повозках же тащить?»

Грот М. Ю. Лермонтова в Пятигорске

– Так здешних дикарей учить надо! – сказал князь.

Лермонтов ничего ему не возразил, но этот отзыв князя Голицына о людях, которых он уважал и в среде которых жил, засел у него в памяти, и, возвратившись домой, он сказал нам:

– Господа! На что нам непременно главенство князя на наших пикниках? Не хочет он быть у нас, – и не надо. Мы и без него сумеем справиться.

Не скажи Михаил Юрьевич этих слов, никому бы из нас и в голову не пришло перечить Голицыну; а тут словно нас бес дернул. Мы принялись за дело с таким рвением, что праздник вышел – прелесть».

Многие памятники архитектуры Пятигорска того времени связаны с именем архитектора Бернардацци.

К такому памятнику, созданному под надзором Джованни Бернардацци, помимо указанных Лермонтовского грота и грота Дианы, относится беседка «Эолова арфа» (1831), являющаяся в настоящее время символом Пятигорска.

Об Эоловой арфе есть строки в повести М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери»: «На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльбрус...»

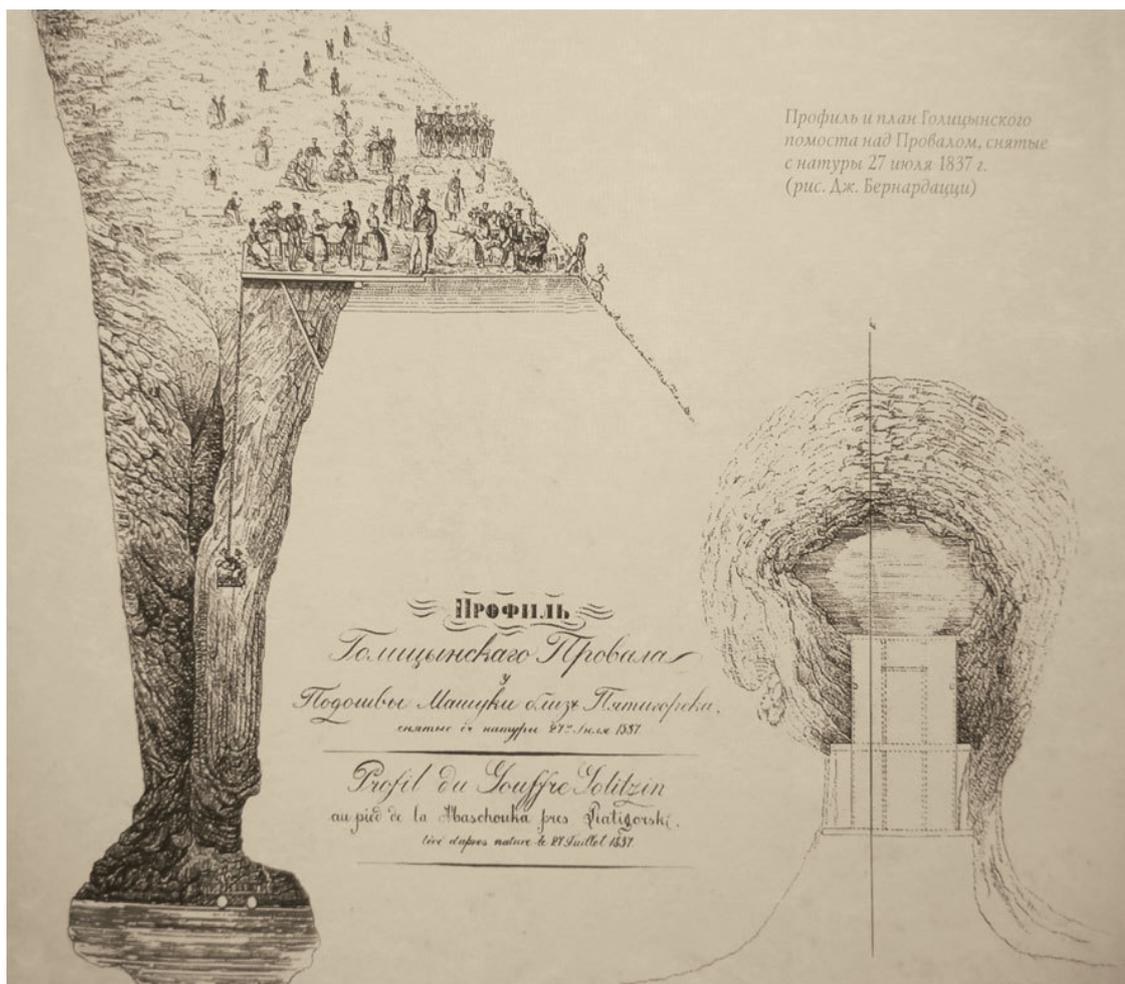
Еще одним памятником того времени является уникальный Большой провал с подземным озером, который также посещал Лермонтов.

Беседка «Эолова арфа» в Пятигорске

В 1837 году по идее и на средства того же богатого князя В. С. Голицына, которого знал Лермонтов, упомянутый Джузеппе Бернардацци и его брат соорудили над Провалом деревянный помост. С него при помощи блоков на канате опускалась и поднималась кабина с прикрепленным креслом для желающих осмотреть изнутри пропасть глубиной 27 метров. Князь просил местные власти разрешить братьям Бернардацци брать плату с желающих осмотреть Провал или спуститься в него. За вход на помост следовало брать плату по 25 копеек с человека, а за спуск – по 1 рублю⁸. Идея «великого комбинатора» Остапа Бендера по продаже билетов в Провал оказалась не нова. Однако начальство не одобрило ходатайство князя Голицына, выразив сомнения в безопасности, и впоследствии помост над Провалом по приказу пятигорского коменданта В. И. Ильяшенкова был снят.

⁸ Боглачев С. В. Архитектура старого Пятигорска. – Изд-во «Снег», 2007. – С. 435–436.

Голицынский провал

О днях, проведенных Лермонтовым в Пятигорске перед дуэлью, П. К. Мартьянов со слов В. И. Чилева пишет:

«Образ жизни Лермонтова в Пятигорске был самый обыкновенный и простой. Ничто не напоминало в нем поэта, а скорее помещика-офицера с солидной для кавказца обстановкой.

Квартира у него со Столыпным была общая, стол держали они дома и жили дружно. Заведовал хозяйством, людьми и лошадьми Столыпин. В домике, который они занимали, комнаты, выходящие окнами на двор, назывались столыпинской половиной, а выходящие в сад – лермонтовской. Михаил Юрьевич работал большей частью в кабинете. Работал он при открытом окне, под которым стояло черешневое дерево, сплошь осыпанное в тот год черешнями, так что, работая, он машинально протягивал руку, срывал черешни и лакомился ими. Спал Лермонтов на кровати, стоявшей до 1870 года в кабинете, и на ней положен, когда привезли тело его с места поединка...

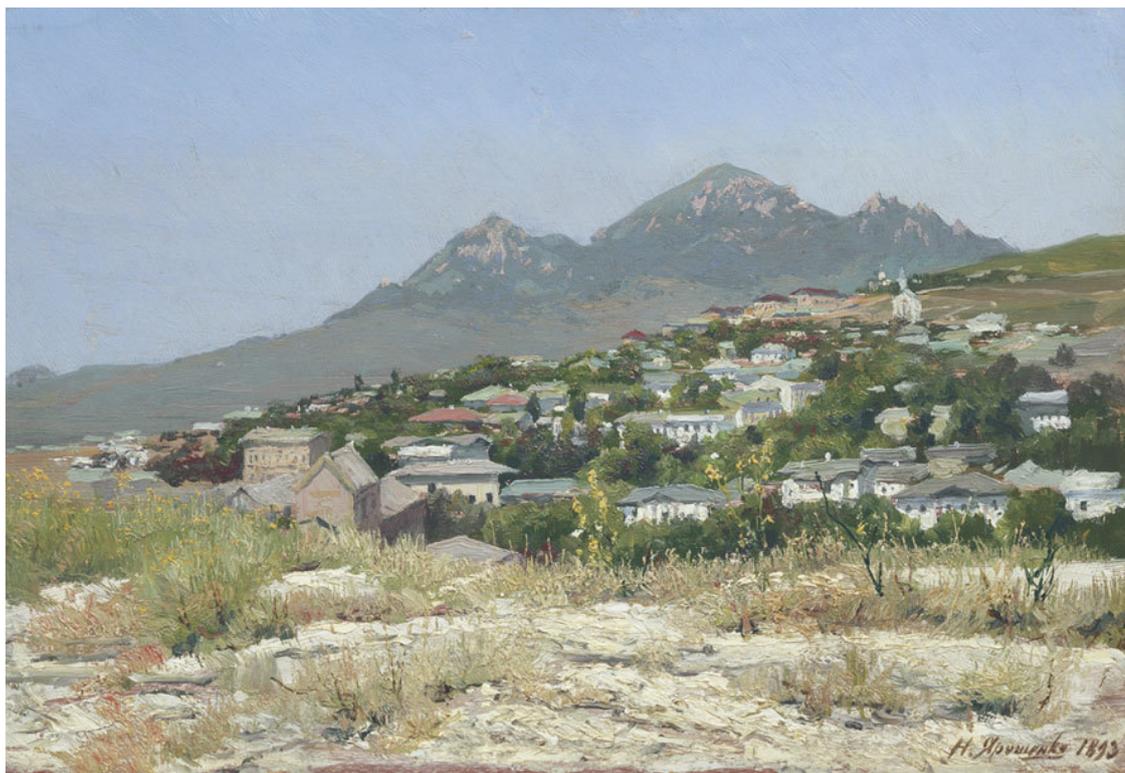
Хозяйство его велось представительно! На конюшне он держал двух собственных верховых лошадей. (Красавца скакуна серого Черкеса он купил тотчас по приезде в Пятигорск.)

Штат прислуги его состоял из привезенных с собой из Петербурга четырех человек, из коих двое было крепостных: один камердинер, бывший дядька его, старик Иван Соколов, и конюх Иван Вертюков, и двое наемных – помощник камердинера гуриец Христофор Санкидзе и повар, имя которого не сохранилось.

Дом его был открыт для друзей и знакомых, и, если кто к нему обращался с просьбою о помощи или одолжении, никогда и никому не отказывал, стараясь сделать все, что только мог.

Вставал он неодинаково, иногда рано, иногда спал часов до девяти и даже более. Но это случалось редко. В первом случае тотчас, как встанет, уходил пить воды или брать ванны и после пил чай, во втором же – прямо с постели садился за чай, а потом уходил из дому. Около двух часов возвращался домой обедать и почти всегда в обществе друзей-приятелей. Поесть любил хорошо, но стол был не роскошный, а русский, простой. На обед готовилось четыре-пять блюд, по заказу Столыпина, мороженое же, до которого Лермонтов был большой охотник, ягоды или фрукты подавались каждодневно. Вин, водок и закусок всегда имелся хороший запас. Обедало постоянно четыре-пять, а иногда и более приглашенных или случайно приходивших знакомых, преимущественно офицеров. После обеда пили кофе, курили и балагурили на балкончике, а некоторые спускались в сад полежать на траве, в тени акаций и сирени. Около шести часов подавался чай, и затем все уходили. Вечер, по обыкновению, посвящался прогулкам, танцам, любезничанью с дамами или игре в карты...

Иногда по утрам Лермонтов уезжал на своем лихом Черкесе за город, уезжал рано и большей частью вдруг, не предупредив заблаговременно никого: встанет, велит оседлать лошадь и умчится один. Он любил бешеную скачку и предавался ей на воле с какою-то необузданностью. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, как головоломная джигитовка по необозримой степи, где он, забывая весь мир, носился как ветер, перескакивая с ловкостью горца через встречавшиеся на пути рвы, канавы и плетни. Но при этом им руководила не одна только любительская страсть к езде – он хотел выработать из себя лихого наездника-джигита, в чем неоспоримо и преуспел, так как все товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой езды, признавали и высоко ценили в нем столь необходимые, по тогдашнему времени, качества бесстрашного, лихого и неутомимого ездока-джигита. Знакомые дамы приходили в восторг от его удалости и неустрашимости, когда он, сопровождая их на прогулках и в кавалькадах, показывал им «высшую школу» наездничества, а верзилинские «грации» не раз даже рукоплескали, когда он, проезжая мимо, перед их окнами ставил на дыбы своего Черкеса и заставлял его чуть не плясать лезгинку».

Н. Ярошенко. Пятигорск

Бывший слуга Лермонтова, Христофор Саникидзе, упоминал, что Михаил Юрьевич был человек весьма веселого нрава, хотя в то же время не любил много говорить, а любил более слушать то, что говорят другие. Иногда им овладевала задумчивость, и тогда он не любил, чтобы его беспокоили, и не любил, если в это время заходили к нему товарищи. С прислугой был необыкновенно добр, ласков и снисходителен, а старого камердинера своего любил как родного и даже снисходительно выслушивал его советы. Саникидзе также рассказывал, что Лермонтов умел играть на флейте и забавлялся этой игрой изредка; что характер у него был добрый, но вспыльчивый. Обыкновенным времяпрепровождением у него было ходить по комнате из угла в угол и курить трубку с длинным чубуком. Писал он более по ночам или рано утром, но писал и урывками днем, присядет к столу, попишет и уйдет. Писал он всегда в кабинете, но писал, случалось, и за чаем на балконе, где проводил иногда целые часы, слушая пение птичек.

О Лермонтове в Пятигорске Н. П. Раевский вспоминал: «Любили мы его все. У многих сложился такой взгляд, что у него был тяжелый, придирчивый характер. Ну, так это неправда... Особенным неженкой он не был, а пошлости, к которой он был необыкновенно чуток, в людях не терпел. С людьми же простыми и искренними и сам был прост и ласков. Над всеми нами он командир был. Всех окрестил по-своему, а его никто даже и не подумал назвать иначе, чем как по имени. Он хотя нас и любил, но вполне близок был с одним Столыпиным. Обычной нашей компанией было, кроме нас, вместе живущих, еще несколько человек, между прочим, Манзей, Л. С. Пушкин, Безобразов и др. (живущих в домах Чилиева и Верзилиных: кн. А. И. Васильчиков, кн. С. В. Трубецкой, Н. С. Мартынов, М. П. Глебов, Н. П. Раевский и А. К. Зельмиц)»⁹.

⁹ Мартыанов П. К. Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова/сост. и автор предисл. Д. А. Алексеев. – М.: Гелиос АРВ, 2008. – С. 33.

Таким образом, Мартынов и все участвующие в дуэли секунданты входили в один близкий круг товарищей и друзей Лермонтова.

Практически каждый вечер компания посещала дом генерала Верзилина, который стал для них своего рода местом обязательной встречи.

Лермонтова, как и других молодых людей, в доме Верзилиных привлекали три молодые барышни – дочери Верзилина: Эмилия (приемная), Аграфена и Надежда.

Характер верзилинских барышень Лермонтов охарактеризовал следующим шуточным экспромтом:

За девицей Emilie
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикий человек.¹⁰

Лермонтов с первого дня появления у Верзилиных стал ухаживать за Эмилией, которую негласно называли в Пятигорске «розой Кавказа».

К этому ухаживанию она отнеслась очень благосклонно, однако впоследствии ее внимание привлек более красивый Мартынов.

С этого времени Лермонтов стал бомбардировать Мартынова эпиграммами и карикатурами. Изменилось его отношение и к Эмилиии.

Он стал постоянно поддразнивать и ее. К этому времени относится брошенная по ее адресу эпиграмма:

Зачем, о счастья мечтаю,
Ее зовем мы: гурия?
Она как дева – дева рая,
Как женщина же – фурия.

Видимо, это не являлось единственной причиной ухудшения отношений Лермонтова и Мартынова и, как следствие, причиной дуэли, однако можно с уверенностью предположить, что это в значительной степени повлияло на произошедшие события, о чем будет упомянуто ниже.

¹⁰ За Аграфеной (Грушей) Верзилиной ухаживал офицер по фамилии Диков, впоследствии на ней женившийся.

Причины дуэли Лермонтова с Мартыновым

*За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.*

С. Есенин. На Кавказе

*Не ты ли в час, когда сожгла
Письмо, чей пепел сжала в горстке,
Спасти поручика могла
От глупой ссоры в Пятигорске.
И не взяла б под Мащуком
Поэта ранняя могила,
Когда бы с вечера тайком
Его в объятия ты сманила.*

Р. Гамзатов. Суди меня по кодексу любви

*Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел
испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия,
и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость
характера должны были торжествовать...*

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени

Официальная версия причины состоявшейся дуэли была изложена в приговоре следующим образом:

«Причиною поединка между Мартыновым и Лермантовым, как Мартынов при следствии и в военном суде показал, было то, что Лермантов с самого приезда в Пятигорск не пропускал ни одного случая сказать ему, Мартынову, что-нибудь неприятное: остроты, колкости, насмешки, одним словом все, чем только можно досадить человеку, не касаясь его чести, и хотя он, Мартынов, показывал, что не намерен служить мишенью для его ума, а потом недели за три до поединка, просил его оставить шутки; но Лермантов, отшучиваясь, предлагал ему в свою очередь смеяться над ним и наконец, за два дня до поединка, на вечере у Генерал-Маиорши Верзилиной, привязываясь к каждому слову его Мартынова, и на каждом шагу показывая явное желание ему досадить, вывел его из терпения, и заставил решиться положить этому конец. При выходе из дому Верзилиной он, Мартынов, удержав Лермантова, просил его прекратить несносные его шутки и сказал, что если он еще раз вздумает выбрать его предметом своей остроты, то он заставит его перестать; но Лермантов, не дав ему кончить, повторил несколько раз, что ему не нравится тон этой проповеди, что он не может ему запретить говорить про него что он захочет и в довершение сказал: «вместо пустых угроз, ты бы лучше сделал, если б действовал; ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь: следовательно ты никого этим не испугаешь». После такого объяснения он, Мартынов, сказав Лермантову, что в таком случае придет к нему своего секунданта...»¹¹.

¹¹ Орфография оригинала документа сохранена.

Однако эти выводы судебной комиссии сразу же вызвали в обществе много толков и слухов.

Оценивая их достоверность, необходимо разделить понятия повода ссоры и причин состоявшейся дуэли.

Что касается повода, то эти обстоятельства более или менее ясны.

Как известно, на следствии Мартынов показал:

«На вечере в одном частном доме <у генеральши Верзилиной>, за два дня до дуэли, он вывел меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, на каждом шагу показывая явное желание мне досадить. Я решил положить этому конец».

Это опосредованно подтверждается показаниями секунданта Глебова:

«Поводом к этой дуэли были насмешки со стороны Лермонтова на счет Мартынова, который, как говорил мне, предупреждал несколько раз Лермонтова...»

В показаниях секунданта Васильчикова сказано:

«О причине дуэли знаю только, что в воскресенье 13-го июля поручик Лермонтов обидел майора Мартынова насмешливыми словами; при ком это было и кто слышал сию ссору, не знаю. Также неизвестно мне, чтобы между ними была какая-либо давнишняя ссора или вражда...».

Из этого можно сделать вывод, что секунданты ничего достоверного именно о причинах, а не о поводе этой ссоры не знают или не сообщают.

Во время следствия генеральша Верзилина запретила опрашивать своих дочерей и домочадцев, и только много позднее Эмилия Клингенберг, ее старшая дочь, в своих воспоминаниях описала ту ссору:

«13-го июля собралось к нам несколько девиц и мужчин... Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л. С. Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык... Ничего злого особенно не говорили, но смешного много. Но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его *montagnard au grand poignard*¹² (Мартынов носил черкеску и огромный кинжал.) Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово «*poignard*» раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах», – и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову... Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора».

¹² Горец с большим кинжалом.

Дом генерала П. С. Верзилина в Пятигорске

Несомненно, что непосредственно перед ссорой и дуэлью отношения Лермонтова и Мартынова были более чем натянутые.

В своей книге «Лермонтов. Роковое лето 1841 года» исследователь В. Хачиков вполне аргументированно доказывает, что эти отношения не всегда были такими.

По его мнению, причиной их разлада и причиной последующей дуэли являлась упомянутая «роза Кавказа» – Эмилия Клингенберг.

В. Хачиков отмечает, что многие пишущие о последних днях жизни Лермонтова верят показаниям Мартынова на следствии: «... с самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог он сказать мне что-нибудь неприятное...» – и считают, что в течение всего лета у них сохранялись натянутые отношения. В действительности этого не было, поскольку антагонизм Лермонтова и Мартынова возник только после той самой «перемены фронта» со стороны Эмилии Клингенберг. В качестве доказательства В. Хачиков ссылается на то, что в конце мая Мартынов уехал в Железноводск, приятели расстались по-доброму и почти целый месяц практически не виделись, и никаких размолвок не было.

Действительно, незадолго до поединка Лермонтов ночевал у Мартынова на квартире и говорил ему, что приехал отвести с ним душу после пустой жизни.

О приятельских отношениях Лермонтова и Мартынова свидетельствуют показания слуг, данные ими в ходе расследования уголовного дела.

Согласно показаниям камердинера Лермонтова Ивана Соколова, «... во все время нашего с убитым господином пребывания в городе Пятигорске я ничего между им и Мартыновым не заметил предосудительного, как то: ссор и других качеств, клонившихся к исполненному ими злу, а жили в дружбе и согласии и обходились между собой дружески».

Подобные показания дали кучер Лермонтова Иван Вертюков, а также слуги Мартынова Илья Козлов, Иван Смирнов.

Конфликтная ситуация, по мнению В. Хачикова, фактически заняла не более 10 дней: 27 июня Мартынов вернулся из Железноводска, а 7 июля в Железноводск уехал Лермонтов. В воскресенье 13 июля Лермонтов по возвращении из Железноводска в Пятигорск оказался на вечеру у Верзилиных, где и произошла его ссора с Мартыновым.

В пользу этого утверждения о том, что причиной конфликта стала приемная дочь генерала Верзилина Эмилия Клингенберг, являются следующие обстоятельства.

Вскоре по приезде в Пятигорск Лермонтов вместе со Столыпиным поселяются в принадлежащем В. И. Чилиеву домике, расположенном в непосредственной близости от дома Верзилиных.

Вполне вероятно, что именно тогда Лермонтов увлекся «розой Кавказа» – Эмилией Клингенберг.

Библиограф Лермонтова журналист П. К. Мартыанов, беседовавший с В. И. Чилиевым, который не мог не видеть, как развивались события, пишет: «Лермонтов же с первого дня появления в доме Верзилиных оценил по достоинству красоту Эмилии Александровны и стал за ней ухаживать. Мария Ивановна отнеслась к его ухаживанию за ее старшей дочерью с полной благосклонностью, да и сама m-II Эмилия была не прочь поощрить его искательство. В. И. Чилиев положительно удостоверял, что она сначала была даже слишком благосклонна к Михаилу Юрьевичу. Все было сделано с ее стороны, чтобы завлечь «петербургского льва», несмотря на его некрасивость. Взгляд ее был нежен, беседа интимна, разговор кроток (она называла его просто Мишель), прогулки и тет-а-тет продолжительны, и счастье, казалось, было уж близко... как вдруг девица переменила фронт. Ее внимание привлек другой, более красивый и обаятельный мужчина. Мужчина этот был Николай Соломонович Мартынов... И он не задумываясь подал ей руку, и антагонизм соперников обострился. Было ли это сделано с целью испытания привязанности Михаила Юрьевича или же с намерением подвигнуть его на решительный шаг, или же, наконец, просто по ветрености и сердечному влечению к красавцу Мартынову, – осталось тайною Эмилии Александровны. Но факт предпочтения Лермонтову Мартынова – факт непреложный: он заявлен таким компетентным и беспристрастным лицом, как В. И. Чилиев. С этого времени, именно с конца июня, и началось со стороны Лермонтова усиленное бомбардирование эпиграммами и карикатурами Мартынова и самое тонкое и любезное поддразнивание m-II Верзилии, как он стал называть Эмилию, соединив в этом названии начало фамилии ее отца «Верз» и конец ее имени «илия».

Р. Белов.
Эмилия Клингенберг

В своих воспоминаниях Эмилия Клингенберг (в дальнейшем Шан-Гирей) так описывает ее отношения с Лермонтовым в Пятигорске:

«В мае месяце 1841 года М. Ю. Лермонтов приехал в Пятигорск и был представлен нам в числе прочей молодежи. Он нисколько не ухаживал за мной, а находил особенное удовольствие *me taquiner*. Я отделялась как могла то шуткою, то молчаньем, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец это мне надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое. Но, по-видимому, игра эта его забавляла просто от нечего делать, и он не переставал меня злить. Однажды он довел меня почти до слез; я вспыхнула и сказала, что, ежели б я была мужчиной, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его из-за угла в упор. Он как будто остался доволен, что наконец вывел меня из терпения, просил прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго.

Г. Г. Гагарин
Сестры Аграфена и Надежда Верзилины

Как-то раз ездили верхом большим обществом в колонку Каррас. Неугомонный Лермонтов предложил мне пари à discrétion [на что угодно. – фр.], что на обратном пути будет ехать рядом со мною, что ему редко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ехали подле меня и не отставали. Лермонтов ехал сзади и все время зло шутил на мой счет. Я сердилась, но молчала. На другой день, утром рано, уезжая в Железноводск, он прислал мне огромный прелестный букет в знак проигранного пари»¹³.

Комментируя эти воспоминания Эмилии Александровны, П. К. Мартыанов указывает: «Нет сомнения, что так все и было, но относится ко второму периоду ее отношений к поэту, о том же, что было в первом, она не только благоразумно умалчивает, но от всякого намека на ее кокетство (чтобы не сказать более) с Лермонтовым отрешивается и старается всеми силами замести хвостом следы»¹⁴.

Впоследствии, перед дуэлью Лермонтова с Мартыновым, была сделана попытка привлечь Эмилию Клингенберг для примирения противников, однако она ответила, что своим вмешательством может только повредить.

Можно сделать вывод, что именно эти обстоятельства и стали одной из основных причин состоявшейся дуэли.

Существуют также другие версии, но они не являются в какой-то мере достоверными.

¹³ Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове, Прибой. – 1929. -Вып. 2. – С. 192–193.

¹⁴ Мартыанов П. К. Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова/сост. и автор предисл. Д. А. Алексеев. – М.: Гелиос АРВ, 2008. – С. 58.

Высказываются предположения, что, когда в 1837 году Лермонтов уезжал в отряд из Пятигорска, где в это время проводила лето семья Мартыновых, они вручили ему пакет с письмами для Николая Соломоновича Мартынова. Интересуясь мнениями о себе, Лермонтов якобы распечатал пакет, однако он не знал, что в него были вложены 300 рублей. Возвращая деньги Мартынову, он был вынужден сказать, что письма украли.

Эта версия не выдерживает критики, поскольку если бы указанные обстоятельства подтвердились, то дальнейшие хорошие взаимоотношения между Лермонтовым и семьей Мартыновых оказались бы невозможными. Вместе с тем о том, что Лермонтов в дальнейшем бывал у Мартыновых, свидетельствует письмо Е. М. Мартыновой (матери Николая Соломоновича Мартынова), относящееся к 1840 году, в котором она пишет, что Лермонтов часто у них бывает и ее дочери «находят большое удовольствие в его обществе».

Некоторые современники полагали, что Мартынов узнал себя в образе Грушницкого в романе «Герой нашего времени» и это могло стать основанием для размолвки.

Однако роман был написан за год до ссоры, и на тот момент блестящий офицер-кавалергард Мартынов ничем не напоминал Грушницкого.

Участники дуэли

Согласно принципам правосудия, при вынесении приговора суд обязан исследовать обстоятельства, характеризующие личность подсудимого.

Как следует из текста приговора, при назначении наказания военный суд в той или иной степени учитывал заслуги виновных.

Ниже приведены составленные по воспоминаниям современников краткие описания личности как тех участников дуэли, которых суд признал виновными, – Мартынова, Глебова, Васильчикова, так и тех, кому удалось избежать уголовного преследования, – Столыпина и Трубецкого.

Мартынов Николай Соломонович

*Скинь бешимет свой, друг Мартыш, Распояшись, сбрось
кинжалы, Вздень броню, возьми бердыш И блюди нас, как хожалый¹⁵!*
М. Ю. Лермонтов. Экспромт

Николай Соломонович Мартынов был сыном пензенского помещика полковника Соломона Михайловича.

На момент дуэли с Лермонтовым Мартынову было 25 лет.

Получил хорошее образование, был человек начитанный и с ранней юности писал стихи.

Вместе с Лермонтовым учился в юнкерской школе. Обычно был партнером Лермонтова по фехтованию на эскадронах. В 1835 году был определен в Кавалергардский полк, где в то время служил Ж. Дантес.

¹⁵ Хожалый – рассыльный, служитель при полиции для поручений.

Неизвестный художник
Портрет Н. С. Мартынова

Автор первой биографии Лермонтова (издана в 1891 году) П. А. Висковатов, который имел возможность беседовать со многими осведомленными и заслуживающими доверия современниками поэта, так писал о Мартынове:

«В сущности, добродушный человек, он при огромном самолюбии, особенно когда оно было уязвлено, мог доходить до величайшего озлобления. Уязвить же самолюбие его было очень нетрудно. Он приехал на Кавказ, будучи офицером Кавалергардского полка, и был уверен, что всех удивит своею храбростью, что сделает блестящую карьеру. Он только и думал о блестящих наградах».

В чине ротмистра Гребенского казачьего полка участвовал в войне на Кавказе, как и Лермонтов, участвовал в экспедициях А. В. Галафеева. За участие в кампании он получил орден Святой Анны 3-й степени с бантом.

Служить на Кавказе Мартынов попросился сам. Он мог рассчитывать на успех по службе, поскольку его отец был хорошо знаком со знаменитым генералом А. П. Ермоловым, который написал рекомендательное письмо командовавшему войсками Кавказской линии генералу Вельяминову.

Вот как Мартынов в своих воспоминаниях описывает этот эпизод:

«Отец мой был в дружеских отношениях с А. П. Ермоловым, а потому он просил сего последнего, еще до приезда моего, снабдить меня рекомендательным письмом к бывшему начальнику его штаба Алексею Александровичу Вельяминову. Рекомендательные письма уже в наше время были не в моде; молодые люди избегали этого способа заискивания у новых начальников и, разумеется, неохотно принимали подобные письма. Но со старыми людьми ничего не поделаешь: у них свой взгляд на вещи, и разуверить их нет никакой возможности. Делать было нечего, я покорился воле отца и поехал рано утром к Алексею Петровичу. Он жил тогда на каком-то бульваре; как теперь помню, деревянный одноэтажный домик с мезонином. В этом-то мезонине он принял меня; это был его рабочий кабинет. Большое венецианское окно выходило на улицу; перпендикулярно к нему стоял письменный стол. По одну сторону стола сидел Алексей Петрович, по другую – какой-то генерал в сюртуке и в эполетах, который писал под его диктовку. Когда обо мне доложили, Алексей Петрович привстал со своего места и сделал несколько шагов мне навстречу. Он очень обласкал меня, посадил, расспрашивал о здоровье отца и вообще был как нельзя более любезен. Я видал его и прежде, а потому для меня знакомство с ним не было новым; но меня давила мысль, что я приехал за рекомендательным письмом, и через это самое мне на душе становилось весьма неловко. Чтобы выйти разом из затруднительного положения и вместе с тем намекнуть Ермолову, что я не солидарен с просьбою отца, я выговорил, почти не переводя духа: «Ваше высокопревосходительство, я на днях отправляюсь на Кавказ и приехал спросить, не угодно ли вам будет мне дать какое-либо поручение к Алексею Александровичу?» Подвижная физиономия Ермолова, как мне показалось, выразила некоторое удивление или недоумение от моего вопроса; но это была одна секунда. Он тотчас отвечал мне: «Как не быть поручений? Мы с Вельяминовым старинные приятели; слава Богу, есть о чем потолковать. Я с вами отправлю к нему тяжеловесное письмо. Когда вы едете?» Я назначил день. «Хорошо, я пришлю его к вам на дом». Цель моя была достигнута: рекомендация являлась на втором плане, если ей суждено еще пробиться на свет Божий; но главное место, во всяком случае, принадлежало уже лично переписке»¹⁶.

¹⁶ Мартынов П. К. Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова/сост. и автор предисл. Д. А. Алексеев. – М.: Гелиос АРВ, 2008. – С. 358–359.

Примечательны слова того же генерала А. П. Ермолова о Мартынове после случившейся дуэли: «Уж я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать да, вынувши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!»

По-разному Лермонтов и Мартынов относились к войне на Кавказе.

Лермонтов в своих произведениях сочувствует горцам, а происходящее на Кавказе воспринимает как трагедию.

Мартынов же, наоборот, поощряет жестокие методы ведения военных операций и полагает возможным применять тактику «выжженной земли».

Об этом, в частности, свидетельствуют его стихи из поэмы «Герзель-аул», посвященные кавказским событиям:

Идет отряд усталым шагом;
Уж приближаются к реке,
Стянули цепь, вот за оврагом
Горит аул невдалеке...
То наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варит.
На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов;
Застанем скот – его уводим,
Пожива есть для казаков,
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них,
И об одном лишь только ропщем:
Не доберешься до самих;
Они сидят в своих трущобах,
К ним вход лесами прегражден;
Зимой гнездятся на сугробах,
А летом горы их притон.
Хотя не раз и нам случалось
Застать средь ночи их врасплох,
Но то лишь конным удавалось
В набегах с сотней казаков.
Налетом быстрым, соколиным,
Являясь разом в трех местах,
Мы их травили по долинам
И застигали на горах,
На них ходили мы облавой:
Сперва оцепим весь аул,
А там, меж делом и забавой,
Изрубим ночью караул.
Когда ж проснутся сибариты,
Подпустим красных петухов;
Трещат столетние ракиты,

И дым до самых облаков;
На смерть тогда идут сражаться,
Пощады нет... Изнемогли,
Приходят женщины сдаваться,
Мужчины; смотришь – все легли...
Так мы в годину возмущенья
Прошли всей плоскою Чечней,
Следы огня и разрушенья
Оставив всюду за собой...

Зимой 1841 года Мартынов вышел в отставку в чине майора и в апреле приехал в Пятигорск, где позднее поселился вместе с М. П. Глебовым.

По воспоминаниям современников, Мартынов любил произвести впечатление на окружающих. Подтверждением этому был образ, который он себе придумал: папаха, черкеска, огромный кинжал, опускавшийся ниже колен, и засученные рукава, что обращало на себя всеобщее внимание, «точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь».

За дуэль с Лермонтовым по приказу Николая I он был посажен на три месяца на гауптвахту в Киевской крепости и предан церковному покаянию (эпитимии).

Эпитимия включала в себя молитвы, продолжительные посты, паломничество. Это было тяжелое испытание для Мартынова, и ему пришлось много каяться в своих грехах, постоянно вспоминая убитого им Лермонтова.

После просьб Мартынова о смягчении наказания Святейший синод в 1843 году сократил срок покаяния с 15 до 5 лет, а в 1846 году Мартынов был совсем освобожден от эпитимии.

До самой смерти он держал в своем кабинете лермонтовский портрет и каждый год 15 июля, в годовщину поединка, заказывал заупокойную службу о рабе Божьем Михаиле.

Видимо, Мартынов до конца своей жизни так и не оценил значения Лермонтова как поэта, однако он признавал высокое его умственное развитие. В своей незаконченной автобиографической повести он писал: «Умственное развитие его <Лермонтова> было настолько выше других товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Он поступил в школу уже человеком, много читал, много передумал; тогда как другие товарищи еще вглядывались в жизнь, он уже изучил ее со всех сторон. Годами он был не старше других, но опытом и воззрением на людей далеко оставлял их за собою».

В 1875 году на 60-м году жизни Мартынов умер и был похоронен на территории усадьбы Мартыновых.

В 1924 году в бывшем имении Мартыновых разместилась колония беспризорников.

После того как дети узнали, кто похоронен на территории имения, они разбросали останки Мартынова по усадьбе.

Таким образом, Мартынов не нашел себе места в жизни, а его останки не нашли упокоения после смерти.

Секунданты

Глебов Михаил Павлович

*Милый Глебов,
Сродник Фебов¹⁷,
Улыбнись,
Но на Наде¹⁸,
Христа ради,
Не женись!*

М. Ю. Лермонтов. Экспромт

Глебов Михаил Павлович родился 23 сентября 1819 года в семье отставного полковника, участника войны 1812 года. В 1838 году кончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

По словам Д. А. Столыпина, родственника и товарища Лермонтова, это был честный, прямой и благородный человек, с открытым, мягким и добродушным характером; но он был тогда еще очень молод, в нем таилась какая-то застенчивость, так что товарищи, с легкой руки Михаила Юрьевича, звали его «баронессой».

Наравне со Столыпиным пользовался особым доверием и уважением со стороны Лермонтова.

На Кавказ М. П. Глебов по своей просьбе был направлен весной 1840 года. Принимал активное участие в летней экспедиции генерала Галафеева в Чечне. Ближе с поэтом он сошелся после знаменитого боя на реке Валерик, за участие в котором Глебов получил орден Святой Анны 3-й степени с бантом. В этом сражении Глебов был тяжело ранен в ключицу.

Все время своего пребывания в Пятигорске Глебов входил в состав молодежи, особо приближенной к поэту.

Во время лечения от полученного ранения Глебов не забывал о личной жизни. В частности, известна его любовная интрига с Надеждой Верзилиной, одной из сестер Верзилиных.

¹⁷ Феб – блистающий, второе имя Аполлона.

¹⁸ Надежда Верзилина, за которой ухаживал Глебов.

Неизвестный художник
Михаил Павлович Глебов

В преддуэльные дни Глебов делал все для примирения противников. Известно, что во время следования к месту дуэли Лермонтов рассказывал Глебову о своих литературных планах.

П. А. Висковатов так описывает поведение Глебова на месте дуэли после смерти поэта: «Тело Лермонтова все время лежало под проливным дождем, накрытое шинелью Глебова, покоясь головой на его коленях. Когда Глебов хотел осторожно спустить его, чтобы поправиться – он промок до костей, – из раскрытых уст Михаила Юрьевича вырвался не то вздох, не то стон; и Глебов остался недвижим, мучимый мыслью, что, быть может, в похолодевшем теле еще кроется жизнь»¹⁹.

В декабре 1841 года Глебов уехал в Петербург.

¹⁹ Висковатов П. А. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова/ под ред. к.и.н. Сосиной. – М.: Гелиос АРВ, 2004. – С. 349.

Однако вскоре вновь отправился на Кавказ, в качестве адъютанта командира Отдельного Кавказского корпуса генерала А. И. Нейдгардта.

Осенью 1843 года в районе Ставрополя Глебов был захвачен горцами в плен по пути в Петербург, куда он был командирован с пакетом документов, предназначенных военному министру.

Сам Глебов не любил рассказывать о происшествии, но один из товарищей Глебова сообщил о подробностях его пленения: «От Владикавказа до станции Прохладной был колесный путь, а тут уже выпал снег, и хотя зимний путь еще не установился, но Глебов, разбитый скачкой на перекладной, потребовал сани и покойно поскакал далее. Перед сумерками, в семи верстах от станции Базовой, из глубокой, с крутыми берегами балки на проезжающего Глебова бросилось восемь человек горцев; ямщик погнал лошадей, а всадники пустились в погоню. До станции оставалось версты четыре, не более, но на самой дороге был курган, который обыкновенно объезжают кругом. Глебов взглянул назад и, видя неприятеля очень близко, желая сократить путь свой, приказал ямщику валить напрямую через курган. Лихая тройка быстро вынесла сани на вершину, но здесь на верхней точке кургана ветром смело снег, железные подреза въехали в песок, и тройка сразу стала как вкопанная. Несколько мгновений спустя горцы окружили сани, выстрелом убили коренника, а на пристяжных лошадей посадили со связанными ногами Глебова и денщика его и быстро увезли их по балке... Храбрый всегда до безумия, Глебов в этом несчастном случае не имел оружия в руках...».²⁰

В плену Глебов находился два месяца. Для его освобождения генерал А. И. Нейдгардт подкупил людей, которые помогли Глебову бежать.

На Кавказе М. П. Глебов заслужил множество наград и славу храброго офицера.

Летом 1847 года М. П. Глебов находился на должности адъютанта у князя М. С. Воронцова, знаменитого тем, что он, будучи на посту командира оккупационного корпуса во Франции с 1815 по 1818 год, был вынужден продать полученное по наследству имение, чтобы расплатиться с французскими кредиторами за кутежи офицеров, которые, как правило, гуляли в долг.

28 июля (9 августа) 1847 года 27-летний ротмистр лейб-гвардии Конного полка Михаил Павлович Глебов был убит выстрелом в голову во время перестрелки при осаде аула Салты. В момент своей гибели он сидел на коне перед готовящимся к атаке батальоном Ширванского полка.

История гибели М. П. Глебова рассказана в воспоминаниях генерал-майора В. А. Полторацкого, опубликованных в журнале «Исторический вестник» № 1 в 1893 году: «Этот честный храбрец и погиб славно, как подобает герою. Сидя верхом перед батальоном молодцов-ширванцев, Глебов под градом пуль блестящим хладнокровием подавал изумительный пример отваги, пока внезапно не рухнул с коня на руки до безумия его любивших солдат. Со смертью Глебова Кавказ лишился одного из храбрейших своих детищ».

Князь Васильчиков Александр Илларионович

*Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной серебристой ярко освещен,
Но без зерна – пустой.*

²⁰ Хачиков В. А. Лермонтов: Роковое лето 1841 года. – Пятигорск: Вестник Кавказа, 2013. – С. 99.

М. Ю. Лермонтов. Экспромт

Александр Илларионович Васильчиков был старшим сыном князя Иллариона Васильевича – генерала, участника Отечественной войны 1812 года.

В 1835 году Васильчиков поступил в Петербургский университет на юридический факультет. В 1839 году он окончил курс получением степени кандидата.

В воспоминаниях современников мнения о человеческих качествах Васильчикова расходятся. Одни относились к нему как к человеку с обширным образованием, с практическим знанием экономической русской жизни, другие же его практическую деятельность считают «не только бесполезною, но даже вредною, а в литературной – находили лишь легкомыслие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.